

Валерий Попов

Всем хорошим во мне я обязан книгам

Умные люди заметили уже, что фразу для заглавия я взял у Горького. Ну ничего - от него не убудет. Классики и существуют для того, чтобы брать у них как можно больше. Скольких несчастий, глупостей, ошибок я избежал благодаря их книгам! Сколько раз они выручали меня из безвыходной вроде ситуации!

Часто в последнее время мне казалось, что я проиграл жизнь, скатился вниз, потерял все, чего прежде добился, - и лишь черпая силы у классиков, я снова вставал на ноги. Помню, в один из переломных годов (а переломный у нас почти каждый - что-нибудь да ломается) я перечислил в интервью все, что потерял за последнее время (почти все!), - издателей, читателей, перекинувшихся на детективы, лучших друзей, уехавших на Запад. Там же я рассказал, что при новом (очередном) скачке цен многое из прежнего, привычного стало недоступно - в частности, пожаловался, что даже дачу теперь не снять - придется все лето париться с семьей в городе.

Поздним вечером того дня, когда это было напечатано, раздались тополиные звонки в мою дверь. Поглядев в глазок, я не узнал человека, но все же открыл ему: уж больно взволнованно он звонил!

- Ну сволочи, что творят! - возбужденно проговорил он, врываясь в квартиру. Он снял шапку - и я его узнал. То был водитель Леха, который на служебной машине вывозил меня осенью с дачи - той, что стала мне, увы, не по карману. Растрогало его, видимо, мое интервью: явился выразить свое сочувствие - единственный из всех друзей и знакомых... хотя и знакомым его назвать было трудно: я и не думал, что он помнит меня. Вот какие у нас душевные люди.

- Сделаем так! - заговорил Леха, не снимая пальто. - Ты сейчас даешь мне задаток... ну - сколько есть у тебя, а я к лету сделаю пристройку к моему дому в Зеленогорске, и будешь жить с семьей у меня!

Растрогавшись, я отдал ему все деньги, что у меня были, и он исчез - так же стремительно, как и появился... Знаю, что вы подумали - он исчез навсегда. "Кинул", как сейчас при-

ну не очень радостную... но не безнадежную. В пристройке, которую он воздвигал как бы для моего семейства... пол был... и стены, в общем-то, были. Не было крыши.

- Леша, - проговорил я растерянно, - а как же... Я же собирался через неделю въезжать.

- А! - с горечью воскликнул он, отбросив окурок. - Разве что можно сделать при таком правительстве?!

Вообще постоянство, с которым все хаотично наше правительство, удивляет. Мы, что ли, лучше работаем?! Но ругать власть и вешать на них все, даже личные огрехи, стало нормой. Но так и правительство не развернется, и мы не очнемся. Но - так привычной. Недавно даже проправительственное "Единство" решало - а не объявить ли недоверие родному правительству? При таком единстве правительства и народа вряд ли мы что-

то когда-то выстроим. Зато всегда есть, на кого сослаться.

Короче, я понял тогда, что тем летом мне дача не светила: Леха (при поддержке правительства) стройку завалил. Для порядка я слазил в сруб, внимательно оглядел бревна - почему-то сплошь униженные комарами, потом выглянул через окошко во двор... Да! Разруха! Это есть.

Спасло меня только знание классики. "А как же Робинзон Крузо?" - вдруг развеселившись, подумал я. - Он и этого не имел - а выжил!"

Сравнивать себя с героями знаменитых книг всегда приятно. И лестно - если ваши ситуации хоть чем-то похожи. "Сделаем!" - решил я. - Тем более что Пятница у меня уже есть". Как вы поняли, я имел в виду Леху.

Правда, оказался он не Пятницей, а Субботой. Именно по субботам, когда он освобождался от службы, а вечером должен был встречаться с друзьями, накал работ был особенно яростным. "Выше стропила, плотники!" - часто я повторял тогда фразу из другой любимой моей книги. В общем, я был доволен: зарос бородой, окреп и хоть немного, но чувствовал себя Робинзоном Крузо.

должен сказать, что это совсем неплохо - во всяком случае ни одно лето - ни из прошлых, ни из последующих - не понравилось мне, как то, когда я был Робинзоном Крузо.

Помогают классики и сейчас, когда жизнь становится все более суровой. Любимое словосочетание любого правительства у нас - "непопулярные меры". Давно уже не живу я в той пристройке у Лехи - и он вынужден был поднять цены, видимо, по вине правительства, поднявшего цены на бензин. Расслоение общества, которое расслаивается явно не в мою пользу, я стал чувствовать по возросшему интересу к помойке, расположенной в бетонной нише как раз под нами: сколько замечательных вещей стали теперь выкидывать! Разве раньше я (сам почти классик) хотя бы голу туда повернул? А теперь - не могу удержаться! Не однажды уже я бегал домой с горящим взглядом - и трофеем с помойки. "Смотрите, что я нашел!" - кричал я радостно. И лишь презрительная усмешка жены меня отрезвляла: "Господи! Как я упал!"

Но тут, в самый последний раз, я не мог удержаться... Стул! Великолепный, почти целый стул стоял в мусорном отсеке, за баками! Я дернул, но вспомнил, что спешу по важному делу, связанному с литературой, а не с ограблением помоек. Подергавшись, я ушел все-таки, решив: заберу на обратном пути. Весь день я думал не о делах, а о стуле. Вот что делает с человеком жизнь! Наконец я вернулся во двор - и как раз в этот момент с помойки выходил человек, напоминающий бомжа, - с моим стулом! Я вцепился в стул с криком: "Это мой!" - и мы некоторое время яростно боролись. Он пытался ударить меня ногой - и что-то мне это запомнило.

"Господи! - вспомнил я. - Так мы же, как Киса Воробьянинов с отцом Федором, деремся за стул!"

Я засмеялся, махнул рукой и, отдав победу сопернику, ушел домой. Я успокоился, более того - был счастлив, вдруг погостив в одном из любимых моих литературных произведений. "Как Киса!" - повторял я и смеялся. И, счастливый, пришел домой. Конечно, если бы я был воспитан на нынешних фильмах про "тигров карате", я бы нанес врагу несколько смертельных ударов и принес бы стул. Но я воспитан на классике... Какое счастье!

Конечно, и классика не спасет нас от неизбежных, увы, несчастий - но классика учит нас пить свое горе

ЗУ

17 марта 2001 г., № 54 (22844)

С-Пб. С. 6

1998. 03. 14

Попов Валерий